

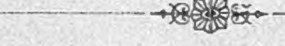
Сергѣй Мечъ.

ГЕОГРАФІЯ КАКЪ НАУКА

и

КАКЪ УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТЪ.

Рѣчь, читанная въ засѣданіи Географическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 6 марта 1893 года.

Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ.

Земля есть ничтожно-малая сфероидальная частица вещества, которая несется, вращаясь, въ пространствѣ вселенной со скоростью 28 верстъ въ секунду.

Такою представляется она для астронома, привыкшаго къ крайнимъ отвлеченіямъ механики, привыкшаго думать о мірѣ, какъ о «системѣ матеріальныхъ точекъ, брошенныхъ въ пространство».

Но если мы, не сравнивая Земли съ безконечно-громадными размѣрами вселенной, отнесемся къ ней какъ къ нашему жилищу, съ которымъ мы неразрывно, органически связаны, если мы вдумаемся въ тѣ измѣненія, которыя непрерывно на ней происходятъ, и попытаемся представить себѣ эти измѣненія въ ихъ взаимодѣйствіи, то тогда Земля уже не будетъ для насъ простою частицей инертнаго вещества; она покажется намъ могучимъ, вѣчно юнымъ, вѣчно прекраснымъ организмомъ, въ которомъ полно и сильно бьется пульсъ жизни.

Всѣ знаютъ, что живой организмъ,—возьмемъ для примѣра растеніе, — служитъ предметомъ изслѣдованія для двухъ отраслей знанія, весьма близкихъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ: физіологіи и исторіи развитія. Показать, какъ устроены и какъ дѣйствуютъ всѣ органы

въ живомъ организмѣ, какое значеніе имѣютъ его корни, стебли, листья и цвѣты, какъ движутся его соки, какъ происходитъ обмѣнъ вещества,—все это задачи физіологіи. Показать, какъ постепенно развился организмъ, какимъ превращеніямъ онъ подвергался и какъ сталъ тѣмъ, что есть, — задача исторіи развитія. Точно такъ же и земной шаръ, этотъ огромный живой организмъ, служитъ предметомъ излѣдованія для двухъ наукъ: географіи и геологіи. Я думаю, что первая изъ нихъ есть физіологія, а вторая—исторія развитія Земли.

Всякій, кто вдумывался въ общую совокупность физическихъ явленій, совершающихся на Землѣ, кто знакомъ съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій въ области географіи, столь полно и прекрасно изложенныхъ во многихъ всѣмъ доступныхъ книгахъ, тотъ, вѣроятно, вполнѣ раздѣлитъ взглядъ мой. Я попробую лишь вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ, развить этотъ взглядъ на научную географію.

Хотя многіе до сихъ поръ еще не могутъ разстаться съ вѣрой въ огненно-жидкое ядро Земли,—вѣрой, единственнымъ основаніемъ которой служитъ идея о «геевнѣ огненной», тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что извѣстную намъ часть земного шара составляетъ только его поверхность, внутренность же, вѣроятно, долго еще останется предметомъ однихъ догадокъ и предположеній. Поверхность Земли состоитъ изъ воздуха, воды и суши—атмосферы, гидросферы и литосферы, какъ часто называютъ эти три оболочки нашего шара.

Но развѣ воздухъ не находится въ вѣчномъ, непрерывномъ движеніи? Пассаты и антипассаты, которые съ необыкновенною правильностью дуютъ въ странахъ, близкихъ къ экватору, являютъ собою круговое движеніе, весь-

ма обильное слѣдствіями и весьма похожее на то, какое нерѣдко наблюдается въ содержимомъ живыхъ растительныхъ клѣтокъ. Мало того: ежедневно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ атмосферы образуется разрѣженіе воздуха, такъ называемый барометрическій минимумъ, который начинаетъ то очень тихо, то быстро двигаться надъ землею, проходя иногда огромныя разстоянія. Вокругъ этого движущагося разрѣженія, какъ вокругъ центра, воздухъ находится въ вращательномъ движеніи; получается такъ называемый «циклонъ», и каждый вѣтеръ, дующій у насъ, есть часть проходящаго черезъ нашу страну циклона. Развѣ все это не признаки жизни атмосферы и развѣ не зависитъ наше счастье отъ познанія законовъ этой жизни?

Второй элементъ Земли—вода—развѣ не находится въ вѣчномъ круговоротѣ, подобно тому, какъ кровь въ живомъ организмѣ животнаго? Импульсъ къ обновляющему, оживляющему процессу кровообращенія дается сердцемъ. Импульсъ для столь же обновляющаго, оживляющаго круговорота воды дается солнцемъ. Океанъ постоянно зыблется и волнуется; кромѣ того, вся масса воды охвачена медленнымъ и правильнымъ движеніемъ, причины котораго неизвѣстны и которое называется океаническими теченіями; наконецъ, его поверхность вѣчно превращается въ паръ, въ тучи, которыя падаютъ дождемъ на сушу, чтобы милліонами гремучихъ ручьевъ возвратиться снова въ океанъ, совершивъ по дорогѣ бездну измѣненій на поверхности земли. Принимая на себя множество самыхъ различныхъ образовъ, вода, во время своего ни на секунду не прекращающагося движенія, убираетъ зеленью и цвѣтами минеральные покровы Земли и этимъ придаетъ имъ непобѣдимую привлекательность.

А эти минеральные покровы, пласты гранитовъ, гней-

совъ, известняковъ и пр., развѣ правда, будто они мертвы и недвижимы? Развѣ не потрясаются они страшными ударами землетрясеній и развѣ не безконечно важно для человѣка открыть законы, управляющіе этими ударами? Въ 1868 году могучій подземный ударъ разрушилъ городъ Арика (въ Перу), словно гигантскій молотъ, ударившій въ землю снизу; земля всколыхнулась и, начиная отсюда, волнообразное движеніе ея стало расходиться по дну Великаго океана; черезъ три дня оно достигло береговъ Новой Зеландіи, Австраліи и Японіи. Такова была сила удара. И не нужно думать, что землетрясенія представляютъ собою что-нибудь необычное, исключительное: нѣтъ, они весьма часты и весьма обыкновенны на нашей планетѣ; среднимъ числомъ каждый день происходитъ два землетрясенія, и смѣло можно сказать, что поверхность Земли находится въ постоянной вибраціи, производимой различными, но всегда неизвѣстными причинами.

Но и помимо землетрясеній жизнь суши выражается еще поднятіемъ, ростомъ горъ. По современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, образованіе горъ объясняется всего естественнѣе слѣдующимъ образомъ. Если мы возьмемъ каучуковую пластинку, растянемъ ее и покроемъ слоемъ глины, то этотъ слой начнетъ подниматься складками и морщинами, лишь только мы оставимъ пластинку медленно сжиматься. Точно такъ же медленное сжатіе нижнихъ каменныхъ пластовъ суши заставляетъ подниматься складками и морщинами верхніе ея пласты, и эти-то складки и морщины мы называемъ горами. Но поднятіе горъ не есть что-либо такое, что было и прошло; нѣтъ, оно происходитъ и въ наше время, составляя одинъ изъ признаковъ жизни суши, подобно тому, какъ оно происходило въ отдаленные періоды существованія Земли. Такъ, самыя высокія горныя цѣпи:

Гималаи, Тянь-Шань, Кордильеры, Кавказъ и Альпы—все молодыя горы и многія изъ нихъ продолжаютъ подниматься и донынѣ.

Наконецъ, научныя излѣдованія заставляютъ думать, что Земля во многихъ, если не во всѣхъ, мѣстахъ своей поверхности находится въ безпрерывномъ, хотя и крайне медленномъ колебаніи. Она словно дышетъ—медленно и спокойно, поднимаясь въ однихъ мѣстахъ, опускаясь въ другихъ. Такъ, юго-западный берегъ Финляндіи поднимается среднимъ числомъ на 12 вершковъ въ столѣтіе. Эти «вѣковыя колебанія» суши, при всей ихъ необъяснимости, всегда были на Землѣ и продолжаются понынѣ, составляя одно изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни нашей планеты.

И такъ, три оболочки земного шара: воздухъ, вода и суша находятся въ постоянномъ движеніи. Процессы созиданія и разрушенія происходятъ въ нихъ непрерывно. И эти процессы постояннаго, непрерывнаго созиданія и разрушенія происходили совершенно такъ же, какъ происходятъ нынѣ, отъ самаго начала жизни Земли, отъ самаго ея сотворенія. Земной шаръ есть огромное живое тѣло, и мнѣ думается даже, что все то, что есть въ человѣкѣ смертнаго, матеріальнаго, конечнаго, все это живетъ одною жизнью съ Землей, подобно тому, какъ каждый волосъ на головѣ нашей живетъ общею жизнью со всѣмъ нашимъ тѣломъ.

Если это положеніе справедливо, если земля есть дѣйствительно живой организмъ, то въ такомъ случаѣ географія, которая имѣетъ цѣлью познаніе нашей планеты какъ цѣлаго, есть дѣйствительно физіологія земли.

Но земной шаръ возникъ не вчера; онъ имѣетъ прошлое, громадное по своей продолжительности. Въ теченіе

долгаго времени своего бытія онъ неоднократно подвергался различнымъ перемѣнамъ. Наука открываетъ, напримѣръ, что тамъ, гдѣ теперь суша, прежде было море и наоборотъ. Такъ, подъ толщей суглинка, составляющаго почву Московской губерніи, вездѣ лежатъ мощные пласты известняка, содержащаго въ себѣ морскія раковины, иглы морскихъ ежей, известковыя частицы морскихъ лилій и кости морскихъ рыбъ, давно исчезнувшихъ съ лица Земли. Очевидно, что эти пласты отложились на днѣ моря, покрывавшаго нѣкогда обширныя пространства нынѣшней Россіи. Очертанія материковъ, морей и океановъ, расположеніе и высота горъ, даже климаты Земли многократно измѣнялись, причемъ мѣнялись также растенія и животныя, ее населявшія. Если бы мы могли какимъ-нибудь чудомъ перенестись въ далекое прошлое Земли, хотя бы, напримѣръ, въ такъ называемую «юрскую» эпоху, одну изъ не самыхъ ещё давнихъ, мы не узнали бы нашей планеты и сочли бы себя перенесенными въ какой-то другой міръ,— такъ Земля была тогда непохожа на то, что мы видимъ на ней въ настоящее время. Тогда все было не такъ, какъ теперь. Въ глубинѣ морей тогда прикрѣплялись къ скаламъ морскія животныя — лиліи, нынѣ не существующія, сидѣвшія на стебелькахъ футовъ въ 20 или 30 длиною; красивые аммониты, раковины которыхъ отливали золотомъ, плавали въ морѣ; исполинскіе рыбо-ящеры, достигавшіе пяти саженъ въ длину, въ изобиліи населяли воды, питаясь рыбами и моллюсками, а въ воздухѣ летали птицеящеры; эти послѣдніе были то съ нашу обыкновенную летучую мышь, то съ голубя, а нѣкоторые достигали болѣе 2 саженъ въ размахѣ крыльевъ; видъ ихъ былъ отвратителенъ: голая, морщинистая кожа, длинный хвостъ, длинная морда, усаженная зубами, крылья вродѣ тѣхъ, какія

мы видимъ у летучихъ мышей, — таковы были созданія, носившіяся по воздуху въ эту отдаленную эпоху, вмѣсто нашихъ стрижей и ласточекъ.

Въ исторіи Земли одна эпоха смѣняла другую и каждая изъ нихъ отличалась свойственными ей живыми существами. Прослѣдить всю послѣдовательность этихъ эпохъ, показать всю исторію развитія Земли, начиная съ перваго дня ея существованія,—это задача геологіи.

Географія и геологія весьма близки другъ къ другу; геологу нужно знать настоящее, чтобы понять прошедшее, а географу нужно знать прошедшее, чтобы понимать настоящее; но очевидно, что въ естественномъ ходѣ умственнаго прогресса человѣка географія должна предшествовать геологіи; нужно очень хорошо знать географію, чтобы интересоваться и понимать геологію,—обстоятельство, о которомъ иногда совсѣмъ забываютъ.

Великій основатель геологіи сэръ Чарльзъ Ляйель посвящаетъ нѣсколько главъ въ своихъ *Principles of Geology* опроверженію мнѣнія, будто бы въ отдаленныя эпохи исторіи Земли принимали участіе не тѣ силы и явленія, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время. По его словамъ, прежніе геологи, по недостаточному знакомству съ явленіями, вокругъ нихъ происходящими, старались просто угадывать, что̀ могло быть въ прежнія времена, и при этомъ они вполнѣ отдавались на произволъ своего воображенія; имъ казалось легче разсуждать и фантазировать о различныхъ возможностяхъ прошедшаго, чѣмъ заняться изученіемъ настоящаго. А между тѣмъ, къ истинѣ ведетъ обратный путь: внимательно наблюдая настоящее, мы получаемъ возможность судить о прошломъ, ибо жизненный пульсъ Земли бился съ самаго ея начала совершенно такъ же, какъ онъ бьется теперь. Эта мысль была нова и ори-

гинальна во время Ляйеля, и потому знаменитый ученый выпужденъ былъ говорить въ своей книгѣ такъ много и такъ пространно о современныхъ измѣненіяхъ, происходящихъ на земномъ шарѣ. Нынѣшніе же авторы геологическихъ руководствъ считаютъ уже своею непремѣнною задачей описывать эти современныя намъ измѣненія, совершенно забывая, что такимъ образомъ они врываются совсѣмъ въ другую область знанія — въ географію. Если полвѣка назадъ была необходима и желательна борьба съ научными предразсудками, то въ настоящее время борьба съ покинутымъ мнѣніемъ уже не имѣетъ основанія.

Географія раздѣляется на общую и частную. Но, описывая весь земной шаръ или одну какую-нибудь часть его: океанъ, материкъ, островъ, государство, пустыню, горную цѣпь, — все равно, мы тогда только будемъ описывать ее географически, если изобразимъ ее во всей возможной полнотѣ ея жизни. Только тогда наука о землѣ сдѣлается живою наукой, только тогда она получитъ безконечную привлекательность, подобную той, какую для всѣхъ людей имѣетъ живая природа.

Чтобы сдѣлать мысль мою болѣе понятной, я приведу частный примѣръ географическаго описанія страны, конечно, только въ видѣ проэкта или плана, и то весьма краткаго. Вполнѣ естественно, если я возьму для этого примѣра ту страну, о которой чаще всего думаю, т.-е. Европейскую Россію. Если бы другія дѣла и заботы не отвлекали меня, я слѣдующимъ образомъ описалъ бы мое отечество.

Я показалъ бы, по возможности наглядно и ярко, однообразіе великой русской равнины и только слегка коснулся бы ея рельефа. По-моему, существеннѣйшею чертой рельефа Россіи служитъ ея равнинность, ея однообразіе

на громадныхъ протяженіяхъ, а не то, проходятъ ли по ней гряды холмовъ съ востока на западъ, какъ насъ учили встарину, или съ сѣвера на югъ, какъ учатъ теперь. Мысленно съ моими читателями я спустился бы въ подземную глубину Россіи, чтобы узнать, какіе каменные пласты лежатъ тамъ и каково ихъ происхожденіе. Я попытался бы рѣшить, неподвижно ли лежатъ эти пласты, или же они охвачены медленнымъ, трудно ощутимымъ движеніемъ. Я показалъ бы, чѣмъ покрыты сверху эти пласты и при этомъ различилъ бы три сорта земли, покрывающей Россію: суглинокъ съ безчисленными каменными обломками, черноземъ и солончаки южной окраины равнины. Мнѣ пришлось бы критически коснуться вопроса о томъ, загромождалъ ли великій ледъ сравнительно недавно сѣверозападную Россію и онъ ли покрылъ ее мощнымъ слоемъ суглинка, перемѣшаннаго съ камнями. Мнѣ пришлось бы также коснуться того времени, когда Каспійское и Черное моря, соединенныя въ одинъ большой водный резервуаръ, покрывали весь югъ равнины. Я остановилъ бы вниманіе читателя на промежуточной полосѣ между льдомъ и моремъ,—полосѣ, покрытой въ настоящее время черноземомъ. Я постарался бы заинтересовать читателя таинственнымъ вопросомъ о происхожденіи чернозема. Послѣ такой бесѣды о поверхности Россіи, я характеризовалъ бы климатъ этой равнины и показалъ обычные пути проходящихъ черезъ нее циклоновъ. Я вывелъ бы, какъ слѣдствіе климата и поверхности, свойства русскихъ рѣкъ и указалъ бы на ихъ индувидуальныя особенности. Я показалъ бы потомъ, какъ, подъ вліяніемъ рельефа, почвы, климата, получались различныя физіономіи русской равнины, и какъ дивно, какъ совершенно приспособлены растенія и животныя къ условіямъ, среди которыхъ имъ

суждено жить. Наконецъ, когда былъ бы созданъ этотъ логически-связный и цѣльный образъ Европейской Россіи, мнѣ осталось бы доказать, что и живущіе здѣсь люди несутъ на себѣ неизгладимую печать вліянія физическихъ условій, что на характерѣ человѣка, на его вѣрованіяхъ, міросозерцаніи, образѣ жизни, на его общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, — на всемъ отразилось ярко и безспорно то гармоническое цѣлое, которое мы называемъ природой.

Я хорошо понимаю, какъ трудно осуществить сейчасъ изложенный планъ, но даже приближеніе къ нему было бы чрезвычайно полезно, потому что всякая правдивая мысль находитъ своихъ послѣдователей, встрѣчаетъ молодое сочувствіе и побуждаетъ къ дальнѣйшей плодотворной работѣ. Подобная географическая обработка Россіи сейчасъ же отозвалась бы и на учебной литературѣ, на преподаваніи отечественной географіи. Вмѣсто мертвенно-сухого и безполезнаго перечня собственныхъ именъ, какими, къ сожалѣнію, являются въ настоящее время учебники русской географіи, получилась бы возможность дать жизненно-правдивое, въ высшей степени интересное и поучительное ея описаніе.

Подобнымъ же образомъ, съ большою или меньшею полнотой, могутъ быть описаны многія мѣстности земного шара. Я позволю себѣ даже сказать, что задача профессора географіи заключается именно въ томъ, чтобы обработать рядъ типическихъ мѣстностей въ указанномъ направленіи и прочесть о нихъ слушателямъ, сопровождая чтенія картами и рисунками, проектируемыми на экранѣ. Я глубоко убѣжденъ, что только этимъ путемъ университетъ приготовлялъ бы свѣдущихъ и любознательныхъ учителей географіи, въ которыхъ такъ нуждается Россія. А

между тѣмъ, къ моему удивленію, такого пути, сколько мнѣ извѣстно, не держится ни одинъ изъ профессоровъ географіи въ Россіи, предпочитая читать или этнографію, или *Общее землевѣдѣніе*, *Allgemeine Erdkunde*, какъ назвали его нѣмцы, т.-е. то, чтò наименѣе понадобится будущему учителю и съ чѣмъ онъ всегда и самъ справился бы, обладая солидными знаніями по частной географіи. Вѣдь отъ частнаго переходятъ къ общему, а не наоборотъ.

Благодаря чрезвычайной трудности получить свѣдѣнія по частной географіи, — трудности, о которой я знаю по собственному опыту, а также благодаря отсутствію хорошихъ методическихъ указаній, постановка географіи въ нашей школѣ поражаетъ своею неудовлетворительностью. А это очень жаль, потому что живая наука о живой Землѣ не можетъ не имѣть большого педагогическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ: основать въ душѣ человѣка храмъ на подобіе міра, столь же разумный, логически стройный и столь же прекрасный—это одна изъ благороднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ умственнаго воспитанія. И, между тѣмъ, всѣ знаютъ, что есть еще не мало учителей, которые превращаютъ занятія географіей въ простое выспрашиваніе урока, заданнаго по учебнику. Но я глубоко вѣрую и страстно надѣюсь, что ряды такихъ педагоговъ будутъ быстро рѣдѣть и что на ихъ смѣну станутъ люди, серьезно и вдумчиво относящіеся къ своей задачѣ, люди понимающіе, что прекрасный Божій міръ не можетъ быть замѣненъ никакимъ учебникомъ.

Если я рѣшился высказать публично нѣсколько мыслей о преподаваніи географіи, то меня побуждали къ этому весьма серьезныя причины. Мнѣ думается, что я *долженъ* сказать свое слово по поводу столь важнаго вопроса, какъ

вопросъ о преподаванія, мнѣ думается, что продолжительная практика, продолжительныя усилія мысли обязываютъ меня сдѣлать общимъ достояніемъ хотя бы то немногое, что добыто послѣ столькихъ лѣтъ труда. Пусть же русское общество возьметъ отъ меня мою лепту и пусть другіе продолжатъ начатое мною.

Я думаю, что поднять вопросъ о задачахъ преподаванія географіи вполнѣ умѣстно здѣсь, въ географическомъ обществѣ. Кто же больше этого общества заинтересованъ правильною и разумною постановкой географіи въ нашей школѣ? И кто больше компетентенъ въ этомъ вопросѣ, какъ не это общество, въ составъ котораго входятъ какъ люди, преданные научной географіи, такъ и люди, посвятившіе себя ея преподаванію?

И такъ, увѣренный въ умѣстности моей рѣчи и въ сочувствіи къ ней здѣсь присутствующихъ, я смѣло ставлю основной вопросъ: зачѣмъ преподается географія въ нашей школѣ и чего мы вправѣ ждать отъ нея?

Преподаваніе географіи имѣетъ двѣ главныя цѣли: вопервыхъ, географическія свѣдѣнія полезны человѣку; они нужны ему, какъ нужна грамота, какъ нужны элементарныя свѣдѣнія изъ математики, какъ нужны хоть небольшія знанія изъ области природы. Эта сторона задачи проста и ясна; я не буду поэтому долго останавливаться на ней и скажу вкратцѣ лишь о томъ, какія географическія свѣдѣнія слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сообщать дѣтямъ.

Преподаватель географіи не долженъ гнаться за обиліемъ знаній; онъ долженъ заботиться, прежде всего, о выборѣ ихъ, да еще о томъ, служитъ ли ихъ пріобрѣтеніе здоровому развитію дѣтскаго ума. Если свѣдѣнія выбраны такъ, что они дали ученику основныя, вполнѣ ясныя представленія о *типичныхъ* мѣстахъ земли, если при ихъ ус-

военіи душевныя силы упражнялись равномѣрно и стройно, значитъ, задача преподаванія была достигнута; если же свѣдѣнія были выбраны такъ неудачно, что они только обременяли память ученика, напрасно отнимая у него время и силы, не давая ему полезныхъ знаній, не содѣйствуя его умственному развитію, значитъ, преподаваніе лучше бы и не начинать вовсе.

Я часто слышалъ, что самое важное въ дѣлѣ обученія географіи составляетъ карта. Какъ много гибельнаго въ этомъ утвержденіи! Карта есть только бумага, на которой нанесены различные условные знаки, и ничего больше. Вѣдь какъ ни изучай эти знаки, ничего не выйдетъ изъ этого труда, пока человѣкъ не сочетаетъ съ этими знаками опредѣленныхъ и ясныхъ представленій, пока каждая мѣстность: пустыня, море, горная цѣпь, рѣка, городъ, условно означенные на картѣ, не начнутъ вызывать въ умѣ живыхъ образовъ по закону психическихъ ассоціацій. Эта мысль очень проста, но ее забываютъ, къ несчастію, очень часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ преподаваніе получаетъ мертвящій характеръ именно оттого, что, вмѣсто живого міра, ставятъ дѣтямъ мертвые символы карты. Нѣтъ, хотя карта и необходима, но не въ ней лежитъ центръ тяжести преподаванія географіи. Центръ тяжести лежитъ въ экскурсіяхъ, въ картинахъ, искусно составленныхъ и подобранныхъ, въ живыхъ разсказахъ и въ чтеніи. Думать, что, повѣсивъ карту на стѣну классной комнаты, мы достигаемъ наглядности обученія, это — печальная и горькая ошибка. Къ этому нужно еще прибавить, что наши учебные карты и атласы крайне неудовлетворительны. Какъ слово учителя, какъ правдивая мысль, карта должна быть проста и ясна. Она должна быть схематична. На ней должно быть выдѣлено выпукло и ярко только самое

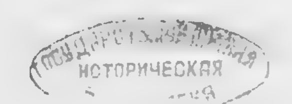
существенное и отброшены всѣ подробности. Разъ человѣкъ основательно узнаетъ это существенное, онъ самъ найдется въ мелочахъ и настольнымъ его атласомъ будетъ уже не учебный атласъ.

Не могу не сдѣлать по этому поводу еще одного замѣчанія. Многіе, весьма почтенные преподаватели большую часть времени, отданнаго на географію, посвящаютъ черченію картъ. Они хотятъ добиться, чтобы ученики умѣли начертить любую страну по сѣткѣ или безъ сѣтки, но непремѣнно на память, не имѣя оригинала передъ глазами, причемъ времени и труда расходуется на это такъ много, что ужъ ничего другого нельзя сдѣлать. Въ прежніе годы, когда я былъ легковѣренъ и молодъ, я тоже требовалъ черченія на память и себя самого довелъ до того, что могъ, чуть ли не зажмурившись, начертить многія страны. Но теперь, когда у меня накопилось побольше свѣдѣній, которыми можно подѣлиться съ учениками, я измѣнилъ свой взглядъ на черченіе. Чего мы хотимъ достигнуть, тратя такъ много драгоцѣннаго времени? Чтобы ученикъ могъ, въ лучшемъ случаѣ, нарисовать на память извилины берега, извилины рѣкъ, направленіе горныхъ цѣпей и пр. Зачѣмъ же это? Что это за безцѣнныя черты, которыя слѣдуетъ носить запечатлѣнными въ душѣ своей? Почему это каждый человѣкъ долженъ всегда носить въ себѣ контуры Балканскаго полуострова или Африки, или Индустана, словно какую-то святыню? Я не понимаю этого. Безъ сомнѣнія, будетъ хорошо, если учитель, располагающій достаточнымъ количествомъ времени, нарисуетъ на доскѣ карту *какой-нибудь особенно поучительной мѣстности*, нарисуетъ лучше, понятнѣе для учениковъ, чѣмъ та, которая виситъ у нихъ на стѣнѣ или находится въ ихъ атласахъ; хорошо также, если въ это же время ученики

будутъ срисовывать ее въ свои тетради; только тратить на это много времени едва ли цѣлесообразно.

Но если карта не составляетъ центра тяжести въ преподаваніи географіи, то ужъ, конечно, этотъ центръ тяжести никакъ не лежитъ въ номенклатурѣ, въ томъ непомѣрномъ количествѣ собственныхъ именъ, одно другого мудренѣе, какими такъ щедро пересыпаны наши учебники. Что это обиліе названій достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, я думаю, мнѣ не зачѣмъ доказывать: всѣ хорошо это знаютъ. Еще недавно одна образованная и умная женщина, мать 12-ти лѣтняго мальчика, очень милаго, но нервнаго и не обладающаго большою памятью на имена, жаловалась мнѣ на непомѣрную трудность задаваемыхъ по учебнику уроковъ географіи. «Мнѣ и самой не выучить этихъ названій»,—добавила она и показала мнѣ учебникъ. Урокъ былъ о Центральной Америкѣ и Мексикѣ. Онъ почти весь состоялъ изъ однихъ только собственныхъ именъ да изъ названій невиданныхъ предметовъ. Такъ, въ одномъ только описаніи Мексики, занимающемъ около страницы, я прочелъ: Оризаба, Попокатепетлъ, Мехико (Мексика тожь), Вера-Крусъ, Тампико, Матаморосъ (на Ріо дель Норте), Мазатланъ, Акапулько, Мазанилло, Пуэбла, Оахака—главный складъ кошенили и какао, Гвадалахара, Гуана хуато, Закатекаса, С. Луи Потози, Сомбререте, Дуранго... Добросовѣстный учитель взялъ наилучшій, новѣйшій изъ существующихъ учебниковъ, о которомъ онъ читалъ лестные отзывы въ печати, и, не чувствуя себя компетентнымъ, не рѣшился выпустить ни одного слова.

И такъ, не въ картѣ, не въ собственныхъ именахъ заключается поучительная и развивающая сторона географіи. Она лежитъ въ возможности, опираясь отчасти на карту, а гораздо болѣе на картины и живой разсказъ, создать

въ умѣ ученика отчетливыя представленія о типичныхъ, поучительныхъ мѣстностяхъ Земли. Волшебный фонарь, стереоскопъ, классныя картины, экскурсіи, дѣтская географическая литература, богатая и разнообразная,—вотъ средства къ достиженію этой цѣли. Я предполагаю, конечно, что учитель настолько знакомъ съ предметомъ, что хорошо понимаетъ, на какихъ странахъ онъ долженъ остановиться и что взять изъ каждой страны. Такъ, напримѣръ, въ географіи Италіи существенно различіе въ пластикѣ и природѣ двухъ типичныхъ мѣстностей: Ломбардіи и горнаго полуострова, въ географіи Англіи существенно различіе въ природѣ собственно Англіи, Шотландіи и Ирландіи и вліяніе этого различія на населеніе. Въ каждой странѣ есть свое типичное, поучительное, и его-то и слѣдуетъ брать. Если же какая-либо мѣстность такъ мало извѣстна или такъ мало обработана въ педагогическомъ смыслѣ, что не представляетъ ничего типичнаго, не имѣетъ опредѣленной и рѣзко выраженной физіономіи, то лучше совсѣмъ на ней не останавливаться. При этомъ я стараюсь никогда не забывать основного принципа преподаванія: сообщать дѣтямъ какъ можно меньше свѣдѣній, заботясь, прежде всего, объ ихъ ясности, наглядности и полной доступности, причемъ все существенное ученики усвоиваютъ непремѣнно при мнѣ, въ классѣ.

Однакожъ, какъ бы нагляденъ ни былъ урокъ, какъ бы искусно ни было выдвинуто въ немъ впередъ все наиболѣе типичное и важное, все-таки, учитель ни на минуту не можетъ позабыть, что его задача заключается не въ простомъ сообщеніи свѣдѣній, а еще *въ развитіи дѣтскаго ума* путемъ ознакомленія съ живымъ организмомъ Земли.

Тутъ мнѣ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Дѣло въ томъ, что фраза «развитіе ума» и другія подобныя имъ произносятся весьма часто, но смыслъ ихъ вообще довольно туманенъ. Прежде чѣмъ идти дальше, я долженъ постараться хоть отчасти разсѣять этотъ туманъ, чтобы всѣ могли понять, о чемъ я говорю и чего хочу.

Что значитъ развитіе ума? Не значитъ ли это усиленіе, путемъ цѣлесообразныхъ упражненій, всѣхъ естественныхъ функцій ума? Я думаю, всѣ согласятся со мною въ этомъ. А въ такомъ случаѣ учитель обязанъ рѣшить для себя, въ чемъ состоитъ дѣятельность ума, ибо странно и даже опасно браться развивать и укрѣплять тѣ способности, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Спросимъ же себя спокойно и просто, безъ метафизическихъ затѣй, изъ чего состоятъ наши мысли? Вдумаемся въ ихъ содержаніе и посмотримъ, нельзя ли привести ихъ къ нѣсколькимъ основнымъ дѣятельностямъ.

Первое, что мы замѣчаемъ, это—память. Она даетъ намъ возможность удерживать безконечно-огромное число всевозможныхъ фактовъ. Память есть та основная плазма, въ которой возникаютъ и дифференцируются различные процессы нашего мышленія. И память, при нормальномъ состояніи человѣка, дѣйствуетъ неустанно, какъ движеніе крови, какъ біеніе сердца. Если мы не дѣлаемъ усилія надъ собою и не стараемся держать свои мысли на чемъ-нибудь одномъ, мы сейчасъ же замѣтимъ, что въ нашемъ сознаніи плывутъ, словно облака на лѣтнемъ небѣ, различныя воспоминанія прихотливыми и странными вереницами. Часто эти вереницы даже мѣшаютъ намъ внимательно отнестись къ книгѣ, къ словамъ лектора и т. п. Мы невольно перестаемъ читать или слушать, отдавшись прихотливому теченію проходящихъ въ сознаніи образовъ.

И такъ, всякій фактъ, всякое понятіе, всякая идея, даже

самая отвлеченная, прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ нашихъ мыслей, должны быть внесены въ то таинственное начало, которое мы называемъ памятью. У нормальнаго человѣка главный путь, ведущій въ это начало, есть зрѣніе. Огромное большинство того, что лежитъ въ нашей памяти, попало туда черезъ посредство глазъ,—это твердо долженъ помнить каждый учитель. Уже много лѣтъ назадъ французскіе психологи высказали правдивую мысль, что большая часть нашихъ представленій суть *образы, les images, слѣды* зрительныхъ ощущеній, сохраняющіеся въ памяти, что слѣды эти живутъ въ насъ съ поразительною яркостью и свѣжестью, и что только яркость реальныхъ ощущеній ослабляетъ ихъ.

Въ этомъ-то основномъ психическомъ началѣ происходитъ процессъ нашего мышленія. Онъ является въ двухъ формахъ: въ формѣ воображенія и въ формѣ сужденія. Та и другая дѣятельности одинаково нуждаются въ правильномъ и здоровомъ развитіи.

Въ чемъ же состоитъ дѣятельность воображенія? Она состоитъ въ томъ, что мы соединяемъ факты, существующіе въ памяти, и создаемъ изъ нихъ такія сочетанія, какихъ никогда не видали въ дѣйствительности. Такъ, одинъ создаетъ въ своемъ воображеніи какой-либо новый приборъ, снарядъ или опытъ; другой фантазируетъ о томъ, какъ поселится онъ въ деревнѣ и весь отдастся нуждамъ окрестнаго крестьянскаго населенія; третій читаетъ романъ и повторяетъ въ своемъ воображеніи тѣ сочетанія, которыя создались въ творческой фантазіи поэта. Хорошо воспитанное и развитое воображеніе создаетъ поэзію и живопись; воображеніе дѣлаетъ открытія и изобрѣтенія; воображеніе создаетъ намъ образы странъ и людей, недоступныхъ нашему наблюденію, и переноситъ насъ въ исто-

рическія эпохи, давно и невозвратно миновавшія; наконецъ, воображеніе же создаетъ намъ тотъ микрокосмъ, который мы называемъ нашимъ понятіемъ о мірѣ, о вселенной, причемъ мы глубоко вѣримъ, что этотъ нашъ микрокосмъ есть точное подобіе дѣйствительнаго, внѣ насъ существующаго міра.

Въ обыденной жизни, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мы ограничиваемся дѣятельностью памяти и воображенія. Но человѣкъ способенъ на другую, еще болѣе высокую и полезную умственную дѣятельность, которую необходимо воспитывать путемъ школы, такъ какъ обыденная жизнь мало затрогиваетъ ее. Эта способность называется наведеніемъ или индукціей.

Если мы, наблюдая рядъ болѣе или менѣе сложныхъ фактовъ, замѣчаемъ сходство между ними, замѣчаемъ черту, общую имъ всѣмъ, и формулируемъ это наше наблюденіе, то мы дѣлаемъ индукцію. Не всегда легко бываетъ замѣтить и доказать это сходство и часто для этого требуется большая ясность мысли, большія дарованія, но тѣмъ важнѣе бываетъ заслуга наведенія. Собственно говоря, человѣкъ дѣлаетъ первые опыты наведенія уже въ очень раннемъ возрастѣ, именно когда учится говорить и когда одно и то же слово ему приходится примѣнять ко многимъ вещамъ, имѣющимъ отдаленное сходство между собою. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы назвать однимъ именемъ, напримѣръ, словомъ *лошадь* цѣлый рядъ весьма несходныхъ по величинѣ и цвѣту животныхъ, а также еще болѣе длинный рядъ изображеній, статуэтокъ, рисунковъ и проч., чтобы замѣтить, наконецъ, черты лошади въ грубомъ подобіи ея, начерченномъ углемъ или мѣломъ,—на все это требуется отъ ребенка много душевныхъ силъ, на которыя способенъ, какъ мнѣ кажется, только человѣкъ. Но разъ онъ

выучился говорить, эта способность къ индукціи находитъ себѣ мало примѣненія. А между тѣмъ эта самая способность помогаетъ людямъ дѣлать величайшія открытія. Все, что мы узнали о мірѣ, мы узнали черезъ наведеніе. Чтобы не отвлекаться въ сторону, я буду брать примѣры, поясняющіе мою мысль, изъ области географіи. Основное географическое положеніе, что земля есть шаръ,—что̀ это, какъ не простая индукція? Люди открыли, что есть сходство между землею и цѣлымъ рядомъ предметовъ, называемыхъ шарами. Сдѣлать это сходство понятнымъ и очевиднымъ—вотъ что значитъ доказать шаровидность земли. Точно также путемъ наведенія мы открываемъ, что земля—планета, этимъ же путемъ открываемъ, что таинственное и прелестное видѣніе, называемое въ общежитіи радугой, есть игра солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ и что трепетный свѣтъ полярныхъ сіяній есть медленный электрическій разрядъ, происходящій между двумя источниками электричества, совершенно аналогичный тому, какой происходитъ въ Гейслеровой трубкѣ.

Способность наведенія—одна изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей человѣка. Главное, что отличаетъ племена богато-одаренныя отъ племенъ ограниченныхъ, умъ ясный и проницательный, способный сдѣлать понятнымъ все, чего онъ коснется, отъ умовъ, скорѣе запутывающихъ, чѣмъ разъясняющихъ, сводится, въ сущности, къ этой способности схватывать самыя тонкія аналогіи, замѣчать самыя деликатныя сходства. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что разъ мы хотимъ содѣйствовать умственному развитію человѣка, мы обязаны дать здоровую, правильную работу для этой драгоцѣнной способности?

И такъ, географія, помимо сообщенія полезныхъ и необходимыхъ знаній, еще должна содѣйствовать правильному

росту двухъ способностей ума: воображенія и индукціи. И мнѣ думается, что географія, въ искусныхъ рукахъ, въ высокой степени способна выполнить это свое назначеніе, какъ учебнаго предмета.

Чтобы показать наглядно, въ какой мѣрѣ это осуществимо на практикѣ, я могъ бы привести послѣдовательный рядъ уроковъ географіи, начиная съ самыхъ первыхъ, начальныхъ занятій съ дѣтьми. Но не здѣсь, конечно, читать такой курсъ методики географіи. Я ограничусь планомъ только одного урока, одного изъ тѣхъ, какія приходится придумывать десятками.

Положимъ, что мнѣ надлежитъ устроить съ дѣтьми лѣтъ 11—12 бесѣду о Египтѣ. Какъ я стану дѣлать это?

Уже давно я бросилъ всѣ учебники, и ворохъ ихъ лежитъ у меня на полкѣ, покрытый слоемъ пыли. Приходя въ классъ, я требую, чтобы у учениковъ были только небольшія записныя тетрадки.

Гдѣ находится Египетъ?—вотъ первый вопросъ, на который должны отвѣтить мои ученики. На это слышатся разные отвѣты: въ Африкѣ, на берегу Средиземнаго моря, на Нилѣ. Но всѣ эти отвѣты не точно опредѣляютъ положеніе. Наприм., Египетъ лежитъ на Нилѣ; но Нилъ великъ: мы уже раньше узнали, что онъ имѣетъ 7,000 вер. отъ его выхода изъ озера Викторіи-Ніанца до впаденія въ Средиземное море, что онъ вдвое длиннѣе нашей Волги. По какой же части Нила лежитъ Египетъ?

Здѣсь начинается наведеніе. Сравнивая между собою знакомыя большія рѣки: Волгу, Дунай, Рейнъ, мы открываемъ, что у нихъ есть такъ-называемое нижнее теченіе, т.-е. тотъ ихъ участокъ, который близокъ къ ихъ устью, что въ этой части они текутъ всегда тихо, плавно, въ низкихъ берегахъ, имѣютъ стремленіе дѣлиться на рукава и

иногда образуютъ дельту. Замѣчу, что во время этой небольшой умственной работы ученики въ первый разъ замѣчаютъ, что у однихъ рѣкъ есть дельта, у другихъ—ея нѣтъ.

И такъ, Египетъ лежитъ по нижнему теченію Нила. Мы можемъ уже заранѣе сказать, какова тамъ рѣка и какіе у нея берега. Теперь посмотримъ вотъ на эту картину, составленную Кирхгофомъ и Супаномъ, свѣтилами географической науки въ Германіи. Она изображаетъ долину Нила въ Египтѣ.

Наша догадка подтверждается: Нилъ въ Египтѣ течетъ плавно, спокойно, въ низкихъ берегахъ. Но какое отличное поле для дѣятельности воображенія представляетъ эта картина! Цѣлый рядъ вопросовъ со стороны учениковъ покажетъ вамъ, что она привела въ колебаніе всѣ струны ихъ души, что отъ ихъ вниманія не ускользаетъ никакая подробность, что глаза ихъ съ жадностью ловятъ впечатлѣнія, чтобы дать пищу работающему воображенію. И въ результатѣ получается представленіе, мысленный образъ о цѣлой странѣ, со всѣми ея типичными чертами, и еще о какой странѣ! О странѣ, которую придется представлять себѣ тысячи разъ и при урокахъ географіи, и при урокахъ всеобщей исторіи, и при урокахъ священной исторіи. И теперь дѣти будутъ представлять себѣ ее уже не какъ черточку на картѣ Африки. Развѣ есть возможность чѣмъ-нибудь замѣнить всю обаятельную полезность, всю насущную необходимость такихъ картинъ? Чѣмъ замѣнить ихъ? Какой разсказъ, какое описаніе не покажутся мертвою буквой передъ подобнымъ изображеніемъ? Я думаю, будь у насъ побольше такихъ картинъ, мы сдѣлали бы преподаваніе географіи однимъ изъ плодотворнѣйшихъ умственныхъ упражненій для дѣтей. А кто мѣшаетъ сдѣлать цѣлый рядъ такихъ картинъ? Эта картина сдѣлана нѣм-

цами—это правда; но развѣ мы, русскіе, не съумѣли бы составить другія, можетъ-быть, лучше этой? Мнѣ скажутъ: да, но кто станетъ покупать ихъ? Дѣйствительно, пока имъ еще трудно будетъ найти сбыть въ Россіи, но развѣ мы не можемъ отправить ихъ на европейскіе рынки, на рынки Франціи, Австріи, Германіи, подобно тому, какъ иностранцы посылаютъ къ намъ свои издѣлія?

Египетъ есть узкій и длинный оазъ въ пустынѣ, узкая полоса плодородной земли по обоимъ берегамъ Нила,—вотъ та мысль, которая складывается въ умахъ учениковъ моихъ послѣ внимательнаго разсматриванія этой картины. Отчего же образуется эта полоса и почему она не шире? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должна дать другая картина, показывающая Египетъ во время разлитія Нила. Мнѣ кажется, что такая картина столь же необходима, какъ и первая. Весьма немногіе изъ дѣтей видали большую рѣку, видали, какъ разливается она въ водополье; большинство же присутствующихъ въ классѣ не видали этого даже на картинахъ. Поэтому для нихъ разсказъ о наводненіи Нила останется мертвою буквой, ибо въ ихъ воображеніи нѣтъ элементовъ, чтобы построить мысль о немъ. Можетъ быть, они повторятъ слова учителя, будутъ разсказывать о наводненіи, но все это будутъ одни слова, повторяемыя полусознательно, и настоящаго, живого отношенія къ уроку не будетъ. Другое дѣло, если указать картину наводненія, съ деревнями, превращенными въ островки, съ полузалитыми группами финиковыхъ пальмъ и проч. Тогда великая тайна Египта сдѣлается для дѣтей и понятной, и высокоинтересной.

Теперь естественно спросить, отчего же Нилъ такъ правильно, всегда въ одно время, выходитъ изъ береговъ и заливаетъ страну? Чтобъ отвѣтить на это, нужно сдѣлать

еще разъ индукцію. Нужно взять нѣсколько знакомыхъ рѣкъ и подумать, отчего онѣ разливаются? Не трудно притти къ мысли, что таяціе снѣга и проливные дожди составляютъ единственныя причины естественнаго разлитія всѣхъ рѣкъ. Исключенія изъ этого правила (какъ, наприм., Нева) очень рѣдки.

Нилъ долженъ разливаться отъ одной изъ этихъ причинъ: отъ таянія снѣга или проливныхъ дождей. Но въ Египтѣ не бываетъ снѣга, не бываетъ и дождя. Тамъ можно дожить до сѣдыхъ волосъ, не видавши во всю жизнь ни одного порядочнаго ливня. Гдѣ же искать причину разлитія Нила?

По этому поводу есть прекрасный разсказъ Эдмунда Брема въ его *Путешествіи по сѣверно-восточной Африкѣ*. Разсказъ изображаетъ тропическую грозу и ливень въ Хартумѣ—городѣ, стоящемъ при сліяніи Нила и Голубой рѣки. Тамъ, гдѣ родится Нилъ, тамъ каждый годъ, въ извѣстный срокъ, начинаютъ лить ежедневные дожди, сопровождаемые страшными грозами.

Послѣ этого становятся понятны причины разлитія Нила въ Египтѣ. Широкая индукція, указавшая на таяніе снѣга и на дожди, какъ на причину половодья каждой рѣки, получаетъ новое подтвержденіе, успокоивающее пытливость дѣтскаго ума.

Если бы даже пришлось ограничиться одними сейчасъ изложенными свѣдѣніями и не сообщать никакихъ другихъ, то и тогда въ умахъ учениковъ съ достаточною силой, яркостью и свѣжестью было бы запечатлѣно все то о Египтѣ, что составляетъ ключъ къ пониманію страны. Кто понялъ сейчасъ изложенное, для того уроки географіи Египта не прошли даромъ. Онъ пріобрѣлъ знаніе существенной стороны дѣла. Многія подробности можете сообщить учени-

камъ моимъ,—послѣ того, что они знаютъ, эти подробности имъ будутъ и интересны, и понятны. И рядомъ съ усвоеніемъ весьма цѣнныхъ географическихъ свѣдѣній шла оживленная умственная работа, которая не можетъ не отразиться благотворно на умственномъ развитіи. Прибавлю еще: во все время урока поддерживалась и усиливалась естественная любознательность, столь дорогое свойство дѣтской души.

Мнѣ могутъ сказать: хорошо, можно сдѣлать два-три полезныхъ урока о Египтѣ, но развѣ есть какая-нибудь возможность столь же основательно и наглядно познакомить дѣтей со всею Африкой, когда въ теченіе учебнаго года, при двухъ урокахъ въ недѣлю, учитель обязанъ познакомить учениковъ съ Африкой, Азіей, Америкой и Австраліей? Конечно, этого сдѣлать нельзя, да, право, этого и не нужно. Мы и безъ того слишкомъ многому учимъ нашихъ дѣтей, совсѣмъ забывая, что имъ больше всего необходимы игры и простой физическій трудъ на вольномъ воздухѣ.

Мѣстностей столь поучительныхъ въ педагогическомъ отношеніи, столь хорошо извѣстныхъ, какъ Египетъ, не много на землѣ. По-моему, слѣдуетъ останавливаться только на этихъ немногихъ. Что до меня, то я давно уже изъ всей Африки беру для бесѣды съ учениками только бассейнъ Нила да великую пустыню. Что касается всего остального, то я добиваюсь лишь того, чтобы ученики легко и безъ запинки показали мнѣ Суданъ, бассейнъ Конго, бассейнъ Замбези и Капскую землю. Нѣсколько картинъ изъ жизни африканской природы и изъ жизни людей завершаютъ наше знакомство съ Африкой. Подобнымъ же образомъ я поступаю и съ другими частями свѣта, выбирая въ нихъ только то, что типично и поучитель-

но. Кто старался дѣйствительно добиться, чтобы *весь классъ* выносилъ съ урока толковыя и точныя познанія, тотъ никогда не скажетъ, что я оставляю слишкомъ мало изъ обычнаго курса географіи.

Наши учебники составлены совсѣмъ на противуположныхъ основаніяхъ. Они стремятся сообщить понемногу обо всемъ, они словно боятся пропустить даже ничтожные факты, нисколько не заботясь о необходимой перспективѣ и рельефности изложенія. Что получается въ результатѣ — это испыталъ каждый, кому приходилось заниматься по любому изъ руководствъ: черезъ недѣлю дѣти совершенно забываютъ весь этотъ ни на что ненужный балластъ, который имъ преподносятъ подъ именемъ краткихъ характеристикъ Судана, Капской земли и проч.

Останавливаясь только на самомъ существенномъ, обработывая это существенное до степени полной доступности и наглядности, избѣгая всячески обилія собственныхъ именъ и сокращая до простого показыванія на картѣ все мало пригодное въ педагогическомъ отношеніи, учитель легко пройдетъ съ учениками 11 — 12 лѣтъ всѣ четыре части свѣта при двухъ урокахъ въ недѣлю, и пройдетъ такъ, что оставитъ въ умѣ дѣтей ясныя географическія представленія, привычку мыслить образами, нѣкоторый навыкъ въ наведеніи и большой интересъ къ знанію. Чего же желать еще? Живымъ и чистымъ родникомъ будетъ дѣятельность учителя, и струйки каждаго такого родника, можетъ быть, незамѣтнаго и незнаемаго, сливаясь одна съ другою, составятъ, наконецъ, одинъ широкій и мощный потокъ, который поведетъ русское общество, а вслѣдъ за нимъ и русскій народъ къ просвѣщенію, къ счастію, къ прогрессу.

